

«Побеждает все равно любовь»

Александр Петрович Лепетухин был абсолютно уникальным человеком — мы говорим это безо всякого преувеличения, и вовсе не потому, что об ушедших принято отзываться только хорошо и непременно с пафосом. Просто это — правда.

Его картины и графические листы на всех выставках зрители узнавали с первого взгляда — художник нашел собственный неповторимый стиль и занял свое, принадлежащее только ему, место в искусстве. А вы ведь понимаете, как это непросто: художников на свете очень много, однако далеко не каждый может похвастаться оригинальной манерой письма, собственным мироощущением и безошибочной узнаваемостью. Это дается только избранным.

Но самое главное — от всех его работ, и живописных, и графических, шел невидимый, но тем не менее явственно ощутимый свет: фантастическая энергия добра, любви и милосердия. Иногда это казалось чудом — возле его работ, как возле старинных икон, хотелось стоять и медитировать. Может быть, даже молиться.

Особенно на последней прижизненной выставке в Дальневосточном художественном музее: каждый зритель, как вкопанный, минут пять простоял перед его «Рождеством», а потом бежал спрашивать других — вы видели? Вы почувствовали?

Да что там говорить — посмотрите сами на цветные репродукции на форзаце нашего журнала и убедитесь. Конечно, репродукции далеки от оригинала, но даже в них сохраняется частичка веры, доброты и какой-то неземной любви художника ко всему существу.

Мало этого — Александр Петрович Лепетухин был еще и прекрасным писателем. Вполне профессиональным.

За книгу «Хехцирских сказок» его приняли в Союз писателей России.

Сказки он начал сочинять для дочек, которые когда-то были маленькими и требовали, чтоб папа рассказал им смешную (или грустную) историю на ночь, да так успешно дело пошло, что теперь ни одна хрестоматия для детского чтения без них не обходится. А папа в итоге стал лауреатом премии им. П. Ершова «За лучшее произведение для детей» в 2007 году, и тогда же — финалистом национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

Однако писал он и для взрослых.

В 2015 году КГБУК «Редакция «Дальний Восток» выпустила в свет его книгу «Вчера. Сегодня. Всегда...»: очерки, воспоминания, эссе о художниках и художественной жизни». В ней Александр Петрович вспомнил друзей по художественно-графическому факультету Хабаровского пединститута, многих своих преподавателей и коллег по Хабаровскому отделению Союза художников, и написал о них так, как никто и никогда бы не написал.

Нет, конечно, у нас в Хабаровске (так сложилось) очень много талантливых художников. И о каждом, настанет время, искусствоведы и историки искусства еще напишут книги и монографии.

Но книга Александра Петровича останется единственной и неповторимой, ибо она точна, как снимки телескопа «Хабл». В ней, как в том же космическом телескопе, максимально приближены и рассмотрены далекие звездные системы и галактики (каждый настоящий художник ведь и есть далекая обособленная галактика, а о «ненастоящих» Лепетухин не писал). Ценно то, что всех героев своих публикаций Александр Петрович знал не один день, к любому относился с пониманием и любовью, и сам жил в их звездных мирах, поэтому создал живые портреты талантливых земляков-художников, у каждого из которых своя судьба, своя боль, свой творческий путь, свои мысли об искусстве и вообще о жизни.

Книга читается на одном дыхании, почище всякого детектива и любовного романа. Если не верите — найдите сами в библиотеке или в интернете и прочитайте.

Кстати, простые люди из его окружения — не художники и не писатели — тоже могут подтвердить: такие личности, как он, на нашей грешной земле появляются нечасто. Он многим знакомым и незнакомым помог — ценным советом, дружеским участием, просто добрым словом.

Даже элементарным своим присутствием в той или иной компании.

«Как будто солнышко в окно заглянуло», — не раз слышали мы отзыв совершенно посторонних людей, после того как их контору по делам случайно посетил Александр Петрович.

Такой вот был человек.

...Едва ли не за месяц до смерти художника Дальневосточная киностудия провела презентацию фильма «Репортаж из рая» (режиссер Анна Самойлова, оператор Альберт Самойлов) об Александре Петровиче Лепетухине. В нем он с юмором рассказывал о себе, с детьми общался, на облака смотрел, на реку и на деревья, и видно было, что уже прощается с миром... Но как-то очень по-доброму: без надруга, без горечи, без обиды.

С легкой улыбкой.

Зрители вышли из кинотеатра, обливаясь светлыми слезами.

А поэт Елена Добровенская даже стихотворение по этому поводу написала:

*Вот — Лепетухина портрет.
И кажется — нет в мире злого.
И режется молочный свет
Из дёсен неба молодого.
И дышит правдою кино,
Естественное, как природа.
Ведь побеждает все равно
Любовь в любое время года.*

А Александр Петрович ответил: «Спасибо, Лена, за добрые стихи...»

И нам кажется, что маленькое эссе самого писателя и художника, которое вы прочитаете ниже, расскажет о нем лучше всяких посторонних слов.

Светлая тебе память, дорогой Александр Петрович!

**Коллеги из редакции
журнала «Дальний Восток»**

Мой маленький опыт выхода из ада

Раньше я был очень несчастным человеком. У меня было очень много комплексов. Я боялся женщин, смерти, начальства и еще многих и многих вещей, о которых теперь забыл. Доходило до того, что, глядя в глаза ректору «со священным восторгом», я садился мимо стула. Ощущение скорой смерти не давало толком жить и рисовать. Словно я вошел в лифт с ненадежным тросом. И какой смысл затевать в этом лифте длительные дела?

Кроме того, у меня был гневный характер. Бог дал мне остроумие, и я часто обижал людей на потеху и в свое удовольствие. Сознание у меня было «липкое». Я мог «посадить» себе в голову образ обидевшего меня человека, а потом «говорить» ему, отсутствующему, все, что о нем думаю, и даже больше. Иногда это длилось по нескольку дней. От таких упражнений поднималось давление, разлаживался сон, болела голова и т. д. Однажды, стыдно говорить, я так распалил себя, что прилюдно плюнул в лицо человеку. И при этом я чувствовал себя борцом за справедливость.

Теперь я понимаю, что жил в настоящем аду. Все мы еще при жизни живем в аду или в раю, и, думаю, смерть мало что меняет.

Понемногу у меня стало «сыпаться» здоровье: ревматизм суставов и сердца, пневмония два раза в год и проч., и проч. Дошло до того, что я не мог ходить без одышки и стал понимать, что бодро качусь к деревянному гостеприимному ящику.

Почему же я с таким скверным характером все-таки выжил в те годы? Потому что, кроме ада, я знал и рай. Этим раем было творчество. При рисовании нужна внутренняя тишина. Значит, мое внутреннее «я», мое эго должно было на время оставить свой гонор. Иногда, когда оно смолкало, у меня во время работы возникало радостное молчаливое возбуждение, которое в быту называют высокопарно вдохновением. А может, правда, когда мы молчаливы (внутренне) и заняты делом, Создатель что-то пытается вдохнуть в наше освободившееся сознание?

Картины того времени были довольно веселые, в них не было агрессии. Поэтому что я не думал, а слушал.

Теперь я понимаю, что во мне шла борьба нескольких уровней сознания. Один уровень занимался анализом, противопоставлением, суждениями и осуждениями. Это и был мой маленький персональный АД. Другой уровень воспринимал мир интуитивно. Сразу и мгновенно. И с радостью принимал его. Решения, которые принимались на этом уровне, были почти всегда безошибочными. Это был мой РАЙ.

Но время шло, и я продолжал раскачиваться на своем маятнике подъемов и депрессий. Однажды я влетел в двухгодичную депрессию и уже почти не мог рисовать. Небо казалось темным, с людьми я общался, как сквозь мутное стекло. Конечно, напряжение толкало меня к работе, но мне совсем не хотелось красиво умирать, уткнувшись носом в палитру с красками. А чтобы жить, мне нужно было обуздать собственное распоясавшееся эго.

И вот лет двадцать семь назад я потихоньку стал работать над собой. Не имея возможности с кем-то посоветоваться, я сам придумывал методики и приемы. Например, когда возникала плохая повторяющаяся мысль о ком-то, я воображал у себя в голове пластинку и снимал с нее звукосниматель. Наступала тишина. Но стоило мне отвлечься, и начиналось снова: «Ты, В., козел, потому что ты неправ, и в прошлом

году ты был козел и неправ...» и т. д. Тут я спохватывался и ставил звукосниматель на место. Я придумывал всякие словесные формулы, останавливающие унылые или злые мысли. Потом я стал заново учиться общаться с людьми, смотреть им в глаза и позволять смотреть в свои, подавать руку от всего сердца, а не совать ее зашуганно... Много чего я делал и пробовал — от дыхательных упражнений до диет. Очень помогли люди и книги, которые всегда встречаются на нашем пути, если мы задаем вопросы.

Как-то я вычитал, что дело не в мысли, а в вибрации, которая ей предшествует. Например, я голоден, не выспался. Вибрация возникает соответствующая, и всегда найдется кто-то или что-то в прошлом, чтобы стать объектом нашей атаки. Как в рассказе у Чехова: «Ваня, ты помнишь — на прошлой неделе стекло разбил? Иди сюда... я тебя высеку».

Конечно, проблемы сразу не исчезли. Но люди ко мне стали относиться лучше, потому что я к ним стал относиться соответственно.

Здоровье понемногу стало налаживаться. Хотя еще и бывали депрессии, но были они связаны, скорее, с материальными проблемами, а не с людьми. Но, чтобы двигаться дальше, нужна была помощь более сильного, чем я сам.

И вот, очевидно, я созрел. Ноги сами понесли меня в Храм. После крещения и причастия я попал на несколько дней из жизни в сказку. Оказалось, что таинства имеют сильное реальное воздействие. У меня расширился угол зрения, словно прежде я смотрел на мир в дырочку в заборе. Все вокруг стало ярким и цветным. Каждый лист на дереве сверкал, как бриллиант, отражая одной гранью солнце, а другой — синее небо. Облака приобрели вес и стали объемными. Земля состояла из цветных камешков, каждым из которых можно было любоваться. Но главное — люди! Я шел и любовался ими — молодыми и старыми. И все они казались мне близкими родственниками, которых я давно не видел и по которым страшно соскучился. И что интересно, мир и люди тоже развернулись ко мне в ответ. Собеседники стремились рассказать самое важное из своей жизни. Они гладили мне плечи и крутили пуговицы, потому что не хотели отпускать. Мое эго примолкло, и, как следствие, ускорилося время. Я с легкостью выполнял творческую работу, на которую раньше уходила уйма времени, и не было никакой усталости при этом.

Но прошло три дня, и чудо кончилось, постепенно угаснув. Я растерял свое состояние в суете. Но теперь я знал! Меня больше нельзя было обмануть. Я знал, как выглядит нормальное состояние свободного и счастливого человека. Пусть я упал. Но упал с большой высоты и на меньшую глубину (если можно так сказать). Значит, можно двигаться вверх по этим духовным ступеням. И падать. И снова вставать. Пусть все более тонкое и хитрое мое эго продолжает свою работу. Мне это нравится. Мне есть с кем бороться, ведь наше эго, отделяющее нас от мира, и есть наш маленький персональный дьявол. Нужно постепенно ставить его на место. А отношение к людям, близким, результаты творчества и здоровье покажут, что реально получается. В жизни нет поводов для отчаяния. Есть поводы для работы и действий.

Р. С. Я показал этот текст друзьям. Они единогласно решили, что его нельзя публиковать по трем причинам:

- 1. Он слишком интимен.*
- 2. В нем есть элемент саморекламы.*
- 3. Его следует найти в моих бумагах после смерти.*

Я, разумеется, с ними согласился. Но у любого текста есть своя судьба. Этот почему-то не согласен ждать, пока я умру... Потому что многие люди сейчас жарятся в своем рукотворном аду. И очень хочется сказать им: ЭТО СОВСЕМ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО.

